

PG

3337

P5Z88

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. Ө. ПИСЕМСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Скабичевского

съ портретомъ Писемскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИИ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Бол. Подъячская, 39

1894

2020/4

А. О. Писемскій.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

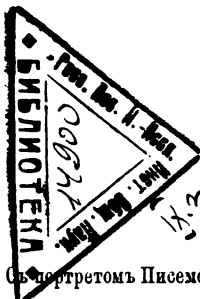
Skabichevskii, A.

А. О. ПИСЕМСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Скабичевского

46220.

Съ портретомъ Писемскаго, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ

ЦѢНА 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Вол. Подъячская, 39

1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го Марта 1894 г.

17
12/58

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Происхожденіе Писемскаго.—Среда, въ которой онъ провелъ свое дѣтство и юность.—Дѣтскіе годы.—Домашнее воспитаніе.—Костромская гимназія и Московскій университетъ	СТР. 5
--	-----------

ГЛАВА II.

Окончаніе университетскаго курса и вліяніе, оказанное на Писемскаго университетомъ.—Служебная дѣятельность и ея вліяніе на талантъ Писемскаго.—Сходство и различіе въ развитіи талантовъ Писемскаго и Салтыкова.—Романъ «Боярщина».—Повѣсть «Нина».—Женитьба Писемскаго и его семейная жизнь	22
--	----

ГЛАВА III.

Приглашеніе Писемскаго молодой редакціей «Москвитянина». — Повѣсти «Тюфякъ» и «Бракъ по страсти». — Впечатлѣніе, произведенное ими на современниковъ. — Безпринципность и пессимизмъ творчества Писемскаго подъ вліяніемъ провинціальной среды. — Отношеніе Писемскаго къ передовой интеллигенціи, къ типамъ рудинскому и печоринскому. — Эстетическія воззрѣнія Писемскаго и аналогія его жанра съ французскимъ натурализмомъ	34
--	----

ГЛАВА IV.

Литературная дѣятельность Писемскаго въ 1850 и 1853 годъ. — Переселеніе въ Петербургъ. — Характеристика Писемскаго	*
--	---

П. В. Анненковымъ, какъ человѣка. — Мнительность Писемскаго. — Жизнь Писемскаго въ Петербургѣ въ 50-е годы. — Служба въ деп. удѣловъ. — Нужда. — Отношенія къ издателямъ. — Командировка въ Астрахань. — Переходъ въ «Библіотеку для Чтенія» и принятіе званія редактора этого журнала. — Романъ «Тысяча Душъ»

48

ГЛАВА V.

Разсказы изъ народнаго быта и комедія «Горькая Судьбина». — Причины непониманія Писемскимъ движенія 60-хъ годовъ и реакціонное направленіе его. — Полемика съ «Искрою». — Романъ «Взбаломученное Морѣ»

65

ГЛАВА VI.

Послѣдній московскій періодъ жизни Писемскаго. — Его обезпеченіе. — Произведенія этого періода. — Паденіе таланта и популярности. — Болѣзни. — Юбилей двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности Писемскаго. — Участіе въ празднествахъ по случаю открытія памятника Пушкину. — Смерть. — Мнѣніе П. В. Анненкова о Писемскомъ, какъ человѣкѣ и писателѣ.

83

I.

Происхождение Писемскаго. — Среда, въ которой онъ провелъ свое дѣтство и юность. — Дѣтскіе годы. — Домашнее воспитаніе. — Костромская гимназія и Московскій университетъ.

Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій, одинъ изъ первостепенныхъ русскихъ писателей, принадлежитъ къ той плеядѣ беллетристовъ 40-хъ годовъ, которые, ведя свое происхождение отъ Гоголя, тѣмъ не менѣе пошли по совершенно самостоятельному пути и обогатили русскую литературу рядомъ могучихъ произведеній, сразу поставившихъ ее на одномъ уровнѣ со всѣми европейскими.

Беллетристы 40-хъ годовъ замѣчательны кромѣ того тѣмъ, что, сливаясь въ одну школу, они въ то же время не только не теряютъ своей индивидуальности, но, напротивъ того, каждый изъ нихъ представляетъ свой особенный типъ, совершенно самостоятельную и оригинальную художественную личность. То же самое слѣдуетъ сказать и о Писемскомъ.

Эта оригинальность каждого изъ беллетристовъ 40-хъ годовъ, кромѣ разныхъ другихъ причинъ и обстоятельствъ, наиболѣе опредѣляется средою, изъ которой вышелъ тотъ или другой изъ нихъ, такъ какъ среда всегда налагаетъ рѣзкую и неизгладимую печать, какъ на характеры, такъ и на ходъ жизни историческихъ личностей. Принимая это во вниманіе, мы, прежде чѣмъ будемъ излагать факты жизни Писемскаго, скажемъ нѣсколько словъ о нравахъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, убѣжденные, что такая характеристика послужитъ намъ путеводной звѣздой къ опредѣленію многихъ чертъ Писемскаго, какъ человѣка и писателя.

Итакъ, начнемъ съ того, что Писемскій по своему происхожденію принадлежитъ къ средѣ захолустнаго мелкопомѣстнаго дворянства, нравы котораго въ началѣ нынѣшняго столѣтія рѣзко

отличались отъ нравовъ всѣхъ прочихъ сословій, не исключая и богатаго дворянства.

Въ богатомъ дворянствѣ въ то время было средоточіе образованности и культурности русскаго общества. Стремленіе стоять на высотѣ европейской цивилизаціи, во всемъ походить на европейцевъ доходило въ этой средѣ порою до забвенія родного языка. Шикарство, комильфотство и стремленіе къ изысканной утонченности нравовъ составляло предметъ строгаго культа.

Въ то время, какъ увлеченіе передовыми идеями Запада вело здѣсь къ крайнему идеализму, доходившему до полной потери чувства дѣйствительности, легкая возможность удовлетворить всѣмъ прихотямъ на почвѣ крѣпостного права—обуславливала изнѣженность и распущенность нравовъ, мало уступавшія такимъ-же качествамъ французской знати эпохи регентства.

Совсѣмъ иное видимъ мы въ средѣ мелкопомѣстнаго дворянства. Малообразованность и грубость культуры доходили здѣсь порою до полной безграмотности, и если, по словамъ поэта, «бывало русскій генералъ служилъ и грамоты не зналъ», то чего-же было требовать отъ бѣдныхъ помѣщиковъ разныхъ медвѣжьихъ угловъ и степныхъ захоlustій? Домостроевская строгость семейнаго быта шла здѣсь рука объ руку съ еще болѣе неумолимой суровостью по отношенію къ крѣпостнымъ, которыхъ у барина было немного, и потому всѣ они были наперечетъ, и баринъ имѣлъ возможность входить въ жизнь и интересы каждаго своего раба, и идеаль его, какъ барина, заключался въ томъ, чтобы держать всѣхъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

Скудость средствъ развивала здѣсь энергію борьбы за существованіе; некогда было идеальничать и заноситься за облака, въ опасности умереть съ голода, и на сцену являлись трезвая практичность, скопидомство, доходившее порой до черстваго кулачества и скаредства. Матеріальные разсчеты преобладали здѣсь во всѣхъ вопросахъ жизни; даже и женились по большей части на основаніи таблички сложенія, такъ какъ 50 душъ крестьянъ плюсъ еще 50 составляли 100 и удваивали состояніе.

Но за то, при вѣрности праотческимъ традиціямъ, здѣсь болѣе сохранялись своеобразныя черты русской жизни. Бѣдный помѣщикъ ближе стоялъ къ крестьянину, чѣмъ его богатый сосѣдъ. Жизнь была проще, нравы чище; чаще встрѣчались непосредственно честные и прямодушные люди, закаленные въ суровомъ опы-

тѣ жизни. А если наблюдался здѣсь и развратъ, то и послѣдній имѣлъ свой особенный характеръ: французскія кокетки замѣнялись доморощенными Маланьями и Парашами, на которыхъ порою одинокіе холостяки или вдовцы женились; шампанскому же предпочитали отечественную сивуху, вслѣдствіе чего въ мелкопомѣстной средѣ при скудости умственныхъ интересовъ и монотонности жизни были частыя проявленія мрачнаго запоя.

Чухломскій уѣздъ Костромской губерніи, мѣсто родины Писемскаго, былъ именно однимъ изъ тѣхъ трущобныхъ захолустій, гдѣ нравы мелкопомѣстнаго дворянства сохранились въ 20-ые годы нынѣшняго столѣтія во всей своей неприкосновенности.

«Я происхожу—сообщаетъ Писемскій въ оставшейся послѣ него автобіографіи—отъ стариннаго дворянскаго рода. Одинъ изъ предковъ моихъ, нѣкто дьякъ Писемскій, былъ посылаемъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ качествѣ посла, въ Лондонъ для осмотра племянницы королевы Елизаветы, на каковой племянницѣ царь предполагалъ жениться. Другой предокъ мой изъ рода Писемскихъ пошелъ въ монастырь и удостоился быть причисленнымъ къ лику святыхъ, въ сонмѣ которыхъ до сихъ поръ именуется Макаріемъ Писемскимъ, а мощи его почіють въ Макарьевскомъ, на рѣкѣ Унжѣ, монастырѣ. Вотъ и вся историческая слава моего рода. Позднѣйшіе Писемскіе, о которыхъ я слыхалъ, были по большей части люди богатые; но та ближайшая вѣтвь, отъ которой собственно я происхожу, была совершенно захудалая: дѣдъ мой былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Богатый родственникъ его, малороссійскій помѣщикъ, взялся устроить судьбу отца моего, Теофилакта Гавриловича Писемскаго, которому тогда было четырнадцать лѣтъ Устройство судьбы ребенка состояло въ томъ, что отца моего пообмыли, пообшили, выучили грамотѣ и опредѣлили солдатомъ въ войска, пошедшія завоевывать Крымъ.

«Прослуживъ лѣтъ тридцать въ дѣйствующей арміи, отецъ мой уже въ чинѣ майора нашелъ возможность побывать на родинѣ, т. е. въ Костромской губерніи, которая отстояла отъ Кавказа на двѣ тысячи почти верстъ; но онъ тѣмъ не менѣе большую часть пути совершилъ въ сопровожденіи четырехъ деньщиковъ верхомъ, находя ѣзду въ экипажѣ совершенно для себя непріятной и очень безпокойной. На родинѣ ему пришлось жениться на моей матери изъ довольно достаточнаго семейства Шиповыхъ.

Отцу моему въ это время было лѣтъ сорокъ-пять, а матери—тридцать-семь. Плодомъ этого брака, между прочими дѣтьми, былъ и я, родившійся въ 1820 году 10-го марта, въ усадьбѣ Раменье. Четверо дѣтей, бывшихъ передо мною, померли, а равно померли и бывшіе послѣ меня пять человѣкъ. Если дозволительно дѣтямъ произносить судъ надъ родителями, то я могу такимъ образомъ опредѣлить моего отца и мою мать. Отецъ мой въ полномъ смыслѣ былъ военный служака того времени, строгій исполнитель долга, умѣренный въ своихъ привычкахъ до пуризма, человѣкъ неподкупной честности въ смыслѣ денежномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ суровый и строгій къ подчиненнымъ,—наши крѣпостные люди его трепетали, но только дураки и лѣнтяи, а умныхъ и дѣльных онъ даже баловалъ иногда.

«Мать моя была совершенно иныхъ свойствъ: нервная, мечтательная, тонко-умная и при всей недостаточности воспитанія прекрасно говорившая и весьма любившая общительность. Собою она, за исключеніемъ весьма умныхъ глазъ, была нехороша, и по поводу ея наружности покойный отецъ мой, когда я былъ уже студентомъ, имѣлъ со мною такого рода бесѣду:

— «Скажи мнѣ, Алексѣй, отчего это мать твоя чѣмъ дальше живетъ, тѣмъ красивѣе становится?»

— «Оттого, папенька, что у маменьки много душевной красоты, которая съ годами все больше и больше выступаетъ.

«Отецъ согласился со мною».

Вотъ что сообщаетъ Писемскій въ автобіографіи о своемъ дѣтствѣ:

«По разсказамъ, я росъ очень болѣзненно въ раннемъ дѣтствѣ и ужасно капризничалъ: то у меня являлась страсть сосать сафьянные башмаки, то требовалъ грязной воды, въ которой меня мыли, то требовалъ куска, который отецъ проглотилъ; былъ даже, говорятъ, лунатикъ, такъ что меня лавливали входящимъ на чердакъ. Всѣ эти продѣлки мои не помѣшали мнѣ однако сдѣлаться какимъ-то божкомъ для отца и матери, да сверхъ того еще для двухъ тетокъ, барышень Шиповыхъ, невышедшихъ замужъ, которыхъ, непремѣнно предполагая сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ, пылали ко мнѣ какою-то материнской любовью, такъ что между сосѣднимъ дворянствомъ говорили, что у меня не одна мать, а три.

«Сначала дѣтство мое, до десяти лѣтъ, я провелъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ (Ветлугѣ), куда отецъ мой опредѣленъ

былъ отъ комитета о раненыхъ городничихъ. Воспоминанія о житьѣ въ этомъ городкѣ у меня остались какія-то планетныя: помню я нашъ домъ, довольно большой, съ мезониномъ, гдѣ обиталъ я; помню поле, очень не гладкій, играя на которомъ, я заназивалъ себѣ руки; помню высокую бѣлую церковь, а въ ней рыжаго протопна Копосова; помню кадку изъ подъ стрехи, въ которой нянька меня купала; а больше всего помню ясные, свѣтлые дни и большую рѣку, къ которой меня нянька никогда близко не подпускала. Затѣмъ я уже жилъ въ настоящей деревнѣ, куда переселились мои родители. Особенно рѣзокъ и шаловливъ, но словажъ всѣхъ, я не былъ, но всегда любилъ устраивать игры въ попы (т. е. представлять, какъ попы служатъ), въ лошади, пахалъ грядки, сидѣлъ на лабазѣ, подстерегая медвѣдя. Словомъ, описаніе моего дѣтства находится въ «Людахъ сороковыхъ годовъ», въ главѣ 2-й).

Обращаясь, по указанію Писемскаго, ко второй главѣ его выше-названнаго романа, мы дѣйствительно видимъ рядъ весьма живыхъ сценъ изъ дѣтства героя романа Паши. Описывается, какъ Паша со своимъ товарищемъ, дворовымъ мальчикомъ Титкой, и собакою Кудкой бѣгали за зайцемъ, какъ медвѣдь утащилъ у отца лучшую корову, а егеръ Яковъ Сафонычъ подстерегъ и убилъ медвѣдя, къ несказанному удовольствію мальчика, котораго едва отецъ могъ удержать отъ участія въ охотѣ егеря. Подросши, мальчикъ выучился верховой ѣздѣ и до страсти полюбилъ ее.

«Главное удовольствіе при этомъ — читаемъ мы въ романѣ — доставляли ему опасность и могущество власти надъ лошадыю. Онъ одинъ-одинехонекъ уѣзжалъ верстъ за семь черезъ довольно большой лѣсъ; кругомъ тишина, ни души человѣческой, и только что-то поскрипываетъ и потрескиваетъ по сторонамъ. Лошадь идетъ, наостривъ уши, вздрагивая и какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Но вотъ огромная глинистая гора; Павелъ слегка только сдерживаетъ поводи. Лошадь осторожнѣйшимъ образомъ сходитъ съ горы, немного присѣдая назадъ и скользя копытами по глинѣ; Павелъ убѣжденъ, что это онъ ее такъ выѣздитъ. За горой надобно проѣхать черезъ довольно крутой мостъ; на серединѣ его большая дыра. Павелъ нарочно погоняетъ лошадь и направляетъ ее на эту дыру; но она ее перескакиваетъ. Слѣдующую рѣчку Павелъ рѣшился переѣхать въ бродѣ. Рѣченка тоже пѣнится и шумитъ; лошадь немножко заартачилась; Павелъ смѣло пугаетъ ее; лошадь осторожно входитъ въ воду. На серединѣ рѣкп ей захотѣлось напиться, и для этого она вдругъ опустила голову; но Павелъ дернулъ поводьями и даже выругался: «Ну, чортъ, запалишься!» Въ такого рода приключеніяхъ онъ доѣзжаетъ до села, объѣзжаетъ тамъ кругомъ церковной ограды, кланяется съ сидящею у окна матуш-

кой-попадѣй и, видимо гарцуя передъ нею, проскакиваетъ село и возвращается домой».

Выпросивши у отца ружье, мальчикъ почти каждый день началъ въ сопровожденіи Титки и Кудки ходить на охоту:

«Охотникомъ искуснымъ онъ не сдѣлался; но зато привыкъ рано вставать и смѣло ходить по лѣсамъ. Какихъ онъ не видалъ высокихъ деревьевъ, какихъ передъ нимъ не открывалось разнообразныхъ и красивыхъ лощинъ! Утомившись, онъ очень любилъ лечь гдѣ-нибудь на травѣ вверхъ лицомъ и смотрѣть на небо. И вдругъ ему начинало представляться, что оно у него какъ бы внизу, самыя деревья какъ будто бы растутъ внизъ и вершины ихъ словно купаются въ воздухѣ, — а онъ лежитъ на землѣ потому только, что къ ней чѣмъ-то прикрѣпленъ; но уничтожись эта связь, и онъ упадетъ туда, внизъ, въ небо. Павлу дѣлалось при этомъ и страшно, и весело»...

Проводя такимъ образомъ дѣтство подъ бодрящими и закаляющими тѣлесно и душевно впечатлѣніями деревенской жизни, Писемскій получилъ въ эти годы то скудное образованіе на мѣдныхъ деньгахъ, какое въ то время было свойственно средѣ мелкопомѣстнаго дворянства. Вотъ что говоритъ онъ въ романѣ «Люди сороковыхъ годовъ» о воспитаніи героя Паши:

«По случаю безвыѣздной деревенской жизни отца, наставниками его пока были: приходскій дьяконъ, который версты за три бѣгалъ каждый день поучать его часа два; потомъ былъ взятъ къ нему разстрига-попъ, но оказался ужъ очень сильнымъ пьяницей; наконецъ училъ его старичекъ, переѣзжавшій нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ одного помѣщика къ другому и переучившій по крайней мѣрѣ поколѣнія четыре. Какъ ни плохи были такого рода наставники, но все-таки учили его дѣлу: читать, писать, ариметикѣ, грамматикѣ, латинскому языку. У него никогда не было никакой гувернантки, избрѣтающей приличныя для его возраста sauseries съ нимъ; ему никогда и никто не читалъ дѣтскихъ книжекъ, а онъ прямо схватился за кой-какіе романы и путешествія, которые нашелъ на полкѣ у отца въ кабинетѣ; словомъ, ничто какъ бы не лѣлѣяло и не поддерживало въ немъ дѣтскаго возраста, а скорѣй игра и ученіе все задавали ему задачи больше его лѣтъ».

Почти то же говоритъ онъ о своемъ воспитаніи въ домѣ отца и въ своей автобіографіи:

«Учиться меня особенно не нудили, да я и самъ не очень любилъ учиться; но зато читать и читать, особенно романы, любилъ до страсти: до четырнадцатилѣтняго возраста я уже прочелъ, въ переводѣ разумеется, большую часть романовъ Вальтеръ-Скотта, «Донъ-Кихота», «Фоблаза», «Жильблаза», «Хромого Бѣса», «Серапіоновыхъ братьевъ» — Гофмана, персидскій романъ

«Хаджи-Баба»; дѣтскихъ же книгъ я всегда терпѣть не могъ и, сколько припоминаю теперь, всегда ихъ находилъ очень глупыми.

«Наставники у меня были очень плохи и все русскіе. Въ дѣтствѣ я, кромѣ латинскаго языка, никакому новому языку не учился, что мнѣ впослѣдствіи приносило и даже до сихъ поръ приносить большой вредъ. Тщетно я въ гимназіи и въ университетѣ старался познакомиться съ французскимъ и нѣмецкимъ языками, которымъ впрочемъ въ нѣкоторой степени и выучивался, но только не надолго: не проходило и полугода, какъ я забывалъ языкъ. Вообще кажется у меня очень слаба способность къ языкамъ, къ исторіи и къ естественнымъ наукамъ; тогда какъ къ наукамъ философскимъ, т. е. къ математикѣ, къ метафизикѣ, къ логикѣ, эстетикѣ, этикѣ — я весьма склоненъ».

«Въ 1834 году, т. е. когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, меня отдали въ Костромскую гимназію, во второй классъ. Учиться тамъ я началъ понятно и довольно прилежно, но гораздо болѣе стужалъ себя славу на актерскомъ поприщѣ».

Обращаясь затѣмъ къ роману «Люди сороковыхъ годовъ», въ которомъ авторъ описалъ все свое дѣтство, мы видимъ, что отецъ Писемскаго самъ свезъ сына въ Кострому, гдѣ и помѣстилъ его на частную квартиру въ большомъ каменномъ запущенномъ помѣщичьемъ домѣ, въ довольно глухомъ переулкѣ. На пожелтѣлой крышѣ его во многихъ мѣстахъ росла трава; штукатурка и разныя украшенія наружныхъ стѣнъ обвалились. Въ верхнемъ этажѣ нѣкоторыя окна были съ выбитыми стеклами, а въ другихъ стекла были заплесневѣлыя, съ радужными отливками; въ нижнемъ этажѣ ихъ закрывали тяжелые ставни. Къ главному подъѣзду вели желѣзные ворота, на которыхъ виднѣлся расколовшійся пополамъ гербъ фамиліи владѣльцевъ. Его держали два льва одинъ безъ головы, а другой — безъ всей задней части. Виѣстъ съ мальчикомъ, въ качествѣ тьютора и репетитора, былъ помѣщенъ старшій его лѣтѣ гимназистъ Стойновскій, а въ прислуги имъ оставленъ дворовый паренъ лѣтъ 14-ти.

Разставаніе отца съ сыномъ было самое трогательное. Мальчикъ бросился къ отцу на шею, зарыдалъ на всю комнату и произнесъ со стономъ «папенька, другъ мой, не покидай меня на вѣки!» Старикъ застоналъ, зарыдалъ тоже. «Нѣтъ, не покину, не покину!...» бормоталъ онъ; потомъ, едва вырвавшись изъ объятій сына, сѣлъ въ экипажъ: у него голова даже не держалась хорошенько на плечахъ, а какъ будто болталась. «Папаша, папаша, милый!»

стоналъ мальчикъ. Старикъ махнулъ рукой и велѣлъ себя везти скорѣе; экипажъ уѣхалъ. Мальчикъ, какъ бы все ужъ похоронивъ на свѣтѣ, съ понуренной головой и весь въ слезахъ отправился въ комнаты... По крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ послѣ разлуки съ отцомъ онъ тосковалъ о немъ.

Но вотъ начались уроки и потекла день за днемъ монотонная гимназическая жизнь, однообразіе которой нарушилось пріѣздомъ въ городъ бродячей труппы.

Актеры были крайне плохіе. Передѣланный изъ кожевеннаго завода театръ помѣщался гдѣ-то подъ землей, и сохранялся еще дубильный запахъ, которымъ пропитаны стѣны его. Зрителямъ, чтобы попасть въ партеръ, надобно было спуститься внизъ по крайней мѣрѣ сажени на двѣ. Тѣмъ не менѣе, когда Стойновскій предложилъ своему воспитаннику отправиться виѣстѣ въ театръ на представленіе «Днѣпровской Русалки»,—мальчикъ былъ на седьмомъ небѣ. Его попреимуществу волновало то, что онъ слышалъ названія: «сцена», «ложи», «партеръ», «занавѣсъ», но что такое собственно это было, и какъ все это соединить и расположить, онъ никакъ не могъ придумать того въ своемъ воображеніи. Заиграла музыка. Писемскій во всю жизнь свою, кромѣ одной скрипки и плохихъ фортепьянъ, не слышалъ никакихъ инструментовъ; но теперь, при звукахъ довольно большого оркестра, у него какъ-бы вся кровь прилила къ сердцу; ему хотѣлось въ одно и то же время подпрыгивать и плакать. Занавѣсъ поднялся. Съ какой жадностью взоръ нашего юноши ушелъ въ эту таинственную глубь какой-то очень красивой рощи, сзади которой виднѣлся занавѣсъ съ Богъ знаетъ куда уходящей далью, а передъ нимъ что-то сѣрое шевелилось на полу—это была рѣка Днѣпръ!

И какъ ни плохи были лицедѣи, какъ ни убога вся обстановка провинціального театра, юноша былъ какъ-бы въ туманѣ: весь этотъ театръ со всей обстановкой и всѣ испытанныя тамъ удовольствія показались ему какими-то необыкновенными, не воздушными, не на землѣ (а какъ было на самомъ дѣлѣ, подъ землею) существующими—какимъ-то пиромъ гномовъ, одуряющимъ, не дающимъ свободно дышать, но тѣмъ не менѣе очаровательнымъ и оболстительнымъ. Результатомъ того сильнаго впечатлѣнія, какое произвело на юношей это зрѣлище, было то, что на святкахъ они задумали устроить у себя на дому свой театръ.—Инициатива принадлежала Стойновскому, какъ старшему возрастомъ. Онъ обладалъ искусствомъ въ рисованіи, которое помогло ему нарисовать